

«А посеянное на каменистых местах означает того, кто слышит слово и тотчас с радостью принимает его, но не имеет в себе корня и непостоянен».

(Матф. 13: 20-21)

«Нет во всей России, а может быть, на Земном шаре, никого более коренного по вкусу, по укладу, по организации души, чем костромичи».

П. Флоренский

УКОРЕНЕНИЕ

На берегах реки детства

Сомкнутые веки.
Выси. Облака.
Воды. Броды. Реки.
Годы и века.
Б. Пастернак

Туранская мельница

11 августа 1999 года в газете «Ветлужский край» были опубликованы воспоминания Николая Ивановича Панкова «В августе 41-го». В этих воспоминаниях автор упоминает об известной в наших краях водяной мельнице на реке Зимнице, притоке реки Нюрюг. Николай Иванович любезно согласился сообщить читателям нашей газеты дополнительную информацию об истории создания и технических данных, замечательного памятника русской деревянной архитектуры.

«Туранская мельница была уникальной мельницей в России с очень высоким КПД. Она уникальна не только по своим размерам, но и по совершенству конструкции, которая предусматривала использование водной энергии малой реки. Это удивительная мельница молола и сортировала зерно круглый год.

Вода в ней протекала через большое водяное колесо и следом через малое колесо во всю его ширину или частично, а также могла направляться раздельно на то и другое колесо. Конструкционные способности мельницы обеспечивали высокую ремонтоспособность водяных колес, валов и других деталей в любое половодье, так как только сами колеса находились в зоне водяной струи и при закрытии подачи воды оставались сухими.

В начале двадцатых годов прошлого века через органы советской власти был най-

ден опытный проектировщик, он же и строитель водяных мельниц, и в течение трех лет с 1923 по 1925 мельница на речке Зимнице, возле деревни Туранское, была построена крестьянами деревень Прудовского сельсовета под руководством этого специалиста. Основными строителями и изготовителями сложных механизмов были жители новых деревень: из Лопатинского Лопатины и Селезевы, из Старкова Михаил Арсентьевич Рыжов (им изготовлены деревянные шестерни) и Панковы.

Мельница была трехэтажной - верхний этаж для приема помольного зерна и его учета. Второй этаж служил для сортировки зерна с приводом от малого колеса. Там же находилась жерновая мельница с приводом от большего водяного колеса. На первом этаже располагались механизмы и приводные валы и за пределами трехэтажной части мельницы одноэтажная надводная надстройка над водяными колесами и водяными лотками, расположенная на сваях.

Крестьяне близлежащих деревень могли не сортировать зерно, так как кроме помола мельница выполняла чистовую сортировку зерна.

Здание мельницы стояло на незатопляемом берегу реки под горным берегом поля. С высокого горного берега поля на третий этаж мельницы был проложен слегка наклонно подъездной трап.

С 1971 года мельница находится в Костромском музее народного зодчества возле Ипатьевского монастыря над руслом небольшого ручья.

Нюрюг и Верхний Нюрюг

По ошибке Туранскую мельницу называют мельницей из села Нюрюг, тогда как село Нюрюг было расположено от нее в полтора десятках километров. Это старинное село, издавна смыкающееся

с южной стороны с деревней Головино, отделяла от Головино небольшая лощина.

Село Нюрюг, в котором была деревянная церковь, возникло позднее деревни Головино, насчитывающей уже не менее четырехсот лет. Это село было небольшим и состояло из самой церкви и нескольких близлежащих домов. Уничтожение церкви в селе Нюрюг в начале тридцатых годов привело к тому, что об отдельном от деревни Головино существовании села Нюрюг почти забыли.

Ныне Нюрюгом ошибочно называют бывший Верхний Нюрюг, существующий со второй половины XIX-го века. Маленькая деревянная церковь в деревне Верхний Нюрюг была построена в конце XIX-го начале XX-го века.

Помните наставников ваших

Сестра Николая Ивановича, Мария Ивановна Панкова, поделилась своими воспоминаниями о священниках этой церкви: отце Николае и отце Александре.

«Крестили меня в деревне Михайловица в 25-и километрах от Старково, а Николая крестили уже на дому.

Однажды летом, когда мне было пять лет, мы с сестрой отпросились у матери в церковь, которая находилась в 4-х километрах от нашего дома в Верхнем Нюрюге.

Мы выстояли до конца церковной службы и, когда подошли ко кресту, отец Николай сказал нам: «Вот вам, девочки, ключики, идите ко мне в дом и ждите меня».

Отец Николай жил один без семьи в маленьком домике у церкви. Избушка была крохотная, даже кухня не отделена. В подыконном углу небольшой столик, скамеечки вдоль стен, кровать деревянная, матрац соломенный, постельное белье из домотканого полотна. Сидим мы с сестрой ни живы, ни мертвы, пошевелиться не смеем. Пришел о. Николай, поставил трехлитровый медный самоварчик, напоил нас чаем и угостил конфетами шоколадными, которых мы до этого даже не пробовали.

Когда о. Николай уехал, приехал о. Александр с матушкой Ниной и дочерью Клавдией.

Тут начались гонения на церковь, о. Александра арестовали, но через некоторое время отпустили. Однажды ночью он пере-

оделся в рваную пастушечью одежду и пришел ночью в Старково, чтобы тайно окрестить ребят-шек. Вскоре он снова был арестован, и о его дальнейшей судьбе мне ничего неизвестно.

Предостерегающий голос

Матушка Нина уехала к детям, а Клавдия осталась одна в Нюрюге. Беда не приходит одна. Случилось с Клавдией еще одно несчастье. Приехала она внебрачного ребенка.

На левом берегу реки Нюрюг после смерти хозяев освободился ветхий домишко, в котором она и поселилась после рождения сына. Дрова на зиму Клавдия заготавливала с осени, возила их к дому на салазках. Зимой, чтобы не заблудиться на обратном пути к дому, она ставила в снегу веточки.

Полностью лишенная каких-

ворец приходил, чтобы жизнь младенцу спасти.» - подумалось ей.

Дожила Клавдия до лета и решила утопить ребенка в реке: в одеяльце в воду его спустила и все на струю его отталкивает, а его опять к берегу прибывает. И опять тот же голос: «Злодейка, что ты делаешь? Ведь это поитель, кормитель твой!». Так и дожило дитя с матерью до семи лет. Потом Саша учился в Ивановской школе, окончил техникум в Советске. Выучился на лесничего, стал работать, женился и забрал мать к себе.

«Живу я хорошо, у меня отдельная комната, ни в чем не нуждаюсь. Одно плохо, к внуку меня не допускают», - писала она своей землячке Настасии в Ветлужский.

На берегу реки Нюрюг у Сметанинской школы в конце 50-х

либо средств к существованию, она собирала милостыню по деревням Нюрюгского и Прудовского сельсовета - тем и жила.

Однажды пришла она с ребенком к моей маме в Старково и попросила ее: «Посиди с моим Сашей, а я схожу посбираю». Ушла и три недели не возвращалась. А когда появилась, мама говорит ей: «Что же ты со мной, Клавдия Александровна, сделала! Сколько дел у меня неотложных, а мне пришлось бросить все и с твоим дитем нянчиться». А Клавдия ей в ответ: «А я, было, хотела его совсем вам оставить, да раздумала».

Однажды Клавдия в полном отчаянии решила задушить сына и похоронить его в подполье. Положила его на русскую печку, встала на приступочку и, положив подушку ему на голову, прижала ее рукой.

А ей голос сзади: «Злодейка, что ты делаешь? Ведь это поитель, кормитель твой!». Обошла Клавдия избу - нет никого, а дверь заперта. «Некак, это Николай Чудот-

Река детства

Плавно несет свои воды среди глухих лесов и зарастающих полей ничем не примечательная река Нюрюг. Но течет эта лесная река не только от истоков к своему руслу, но и сквозь мглу времен из глубины прошлого в настоящие и будущее. В ее тихой воде отражаются не только стволы деревьев, зелень кустов и летние облака, но годы и судьбы, дела и мысли людей.

Душевное здоровье всякого, кто провел свое детство и юность на берегах скромной русской реки Нюрюг, во многом зависит от того, насколько часто и полно пьет он живительную влагу воспоминаний, дорожит своим прошлым, чтобы иметь будущее.

Сохранившееся здание церкви в Верхнем Нюрюге